

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР ФЕДОР АРТУРОВИЧ (1857-1918)

Один из наиболее выдающихся кавалерийских офицеров Русской Императорской армии конца XIX — начала XX вв., участник Русско-турецкой и Великой войн. Генерал Келлер был одним из двух высших военачальников, которые в позорные дни февраля 1917 года сохранили верность Государю. В ответ на сообщение об отречении Николая II Келлер отправил на его имя телеграмму: «Прикажи Царь, придем и защитим Тебя». В годы Гражданской войны Ф. А. Келлер формировал монархическую Северную армию и был единственным из вождей Белого движения, удостоившимся благословения Святейшего Патриарха Тихона. После захвата в декабре 1918 года Киева петлюровцами Келлер был схвачен и убит выстрелами в спину в центре Киева у памятника Богдану

Хмельницкому.

«Мне казалось всегда отвратительным и достойным презрения, когда люди для личного блага, наживы или личной безопасности готовы менять свои убеждения, а таких людей громадное большинство»

Из предсмертного дневника графа Ф.А.Келлера

«Прикажи, Царь, Придем И Защитим Тебя!»

В 1928 году в русском журнале «Двуглавый орел», издававшемся во Франции, была опубликована статья, посвященная светлой памяти генерала Федора Артуровича Келлера. Той же зимой, на заупокойном богослужении в соборной церкви Знамения Божьей Матери в Париже собрались те, кто уже десять лет хранил в своем сердце глубоко почитаемый образ.

С тех пор прошло немало времени, но имя прославленного героя еще не затерялось на страницах истории. В Киеве, на территории Покровского

монастыря по сей день покоятся останки русского генерала. Его жизненный путь и поныне остается примером истинной доблести, и этот пример связует воедино Россию прошлого и Россию будущего.

«Кругом измена, и трусость, и обман», — написал в своем дневнике Император Николай II в день отречения от Престола. Паутина предательства опутала самое сердце сражающейся страны, и в окружении Царя почти не осталось верных людей. Заговор проник в верхи армии, найдя поддержку у представителей генералитета, тайно сносившихся с думской оппозицией и иностранными дипломатами. Мечтая удалить от власти Царскую Чету, они мечтали о «благах» европейского либерализма.

Светское общество окончательно потеряло способность мыслить и чувствовать так, как велит Православная Церковь. Духовно отделившись от своего монарха, оно нашло Его чужим, ненужным, лишним. Исполнялись пророческие слова Святого праведного Иоанна Кронштадтского: **«Если не будет покаяния у русского народа, конец миру близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами»**.

Изменники лгали Государю о своей верности «монархической идее». Готовый отдать и корону, и жизнь для спасения своего отечества, Николай II принял решение о передаче Престола в пользу брата. Но вырванное отречение явственно провело черту, за которой началось необратимое разрушение страны и армии. Опустевший трон упразднил само понятие власти в глазах народа, расторгая все связывавшие его обязательства. Переворот перерос в революцию.

Верных присяге командиров сдерживала видимая легальность актов отречения и боязнь междоусобной войной открыть фронт. Генерал Деникин писал: «Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село и две телеграммы, посланные Государю командирами 3-го конного и гвардейского корпусов, графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение Государя для подавления мятежа».

Воин с головы до пят, богатырь двухметрового роста, Федор Артурович Келлер считался лучшим кавалерийским начальником Русской армии и получил прозвище «первой шашки» России.

Атаман Шкуро, служивший под началом Келлера в первую мировую войну, рассказывал о нем: «Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. За время

нашей службы при 3-ем конном корпусе я хорошо изучил графа и любил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души.

Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особое внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат.

Неутомимый кавалерист, делавший по сто верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен. Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папаше и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодцеватой посадкой, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования».

Федор Артурович родился 12 октября 1857 г. в Курске, в семье военного. Ему было двадцать лет, когда Россия объявила войну Турции, поднявшись на защиту избиваемых магометанами православных славян. Оставив элитное кавалерийское училище, граф Келлер поступил нижним чином в драгунский полк и отбыл на фронт. За выдающуюся храбрость он был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и произведен в офицеры.

Почти четверть века он служил в драгунских полках, пройдя путь от командира эскадрона до полкового командира. Когда смута 1905 г. охватила окраины России, он был отправлен на усмирение переведенной на военное положение Польши. Исполняя обязанности временного Калишского генерал-губернатора, Келлер подвергся нападению революционеров; раненый и контуженный при взрыве брошенной в него бомбы, он избежал гибели лишь благодаря собственной ловкости, позволившей ему поймать снаряд на лету.

Дворцовый комендант Воейков, близко знавший Келлера в бытность его командиром Лейб-гвардии Драгунского полка, назвал Федора Артуровича в своих записках «истинно русским, кристально чистым человеком, до мозга костей проникнутым чувством долга и любви к Родине». Надо сказать, что Воейков был одним из немногих в окружении Царя, кто сохранил Ему верность. В 1907 г. Николай II назначил Келлера флигель-адъютантом с зачислением в свою Свиту и производством в генеральский чин.

Выступив на германский фронт с кавалерийской дивизией, Келлер на четвертый день сражений разгромил австро-венгерскую конницу и принес первую победу Русской армии в мировой войне. Сам Государь в очередном послании к Супруге радостно сообщил о представлении генерала к ордену святого Георгия, и та отвечала Ему: «Он действительно заслужил свой крест, сейчас он отплатил нам за все, это было его пламенным желанием все эти годы».

Получив известие о революции в Петрограде и текст новой присяги, Келлер заявил, что не станет приводить к ней вверенные ему войска, так как «не понимает существа и юридического обоснования верховной власти Временного правительства». Барон Маннергейм — тот самый, что в будущем сделался правителем независимой Финляндии, уговаривал его «пожертвовать личными политическими убеждениями для блага армии», но встретил твердый отказ: **«Я христианин. И думаю грешно менять присягу».**

— Я получил депешу, — сказал Келлер, собрав представителей от каждой сотни и эскадрона, — об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю: **«Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя».**

— Ура, ура! — закричали драгуны, казаки, гусары. — Поддержим все, не дадим в обиду Императора!

Ответ пришел от командующего Румынским фронтом: под угрозой объявления бунтовщиком Келлеру предписывалось сдать корпус. Не дождавшись распоряжений от Государя, он был вынужден подчиниться полученному приказу. Под звуки народного гимна «Боже, Царя храни!» шестидесятилетний генерал прощался со своими старыми полками, принимая их последний парад. В глубокой горести и со слезами провожали его бойцы.

Дворянская оппозиция и либеральная интеллигенция, руками высшего генералитета вырвавшие отречение у Николая II, не нашли понимания в народе и были неспособны сдержать расходившиеся волны, поднятые ими самими. Россия погрузилась в беспросветную анархию, Октябрь стал неизбежным продолжением Февраля.

Покинув действующую армию, Келлер жил в Харькове. На его глазах происходила «украинизация» малороссийских губерний, большевистский мятеж после октябрьского переворота в столице и последовавшее за этим занятие Украины германскими и австрийскими войсками. В ту пору Федор Артурович участвовал в деятельности тайной

монархической организации, ставившей целью освобождение Царской Семьи из тобольского заточения.

В апреле 1918 г. при поддержке немцев была провозглашена Украинская держава во главе с гетманом Скоропадским, ставшая первым крепким островком среди моря всеобщей анархии. Немецкие штыки ограждали многочисленные гетманские штабы и единственную сердюцкую дивизию от посягательств большевиков.

С Дона же приходили вести, что генералы Алексеев и Деникин сражаются с красными во главе созданной ими Добровольческой армии. Келлер хотел принять участие в борьбе с большевизмом, но считал, что ее можно вести только «именем Самодержавного Царя всея Руси», следуя по пути всенародного раскаяния и воссоздания старой армии. Присоединиться к добровольцам он отказался.

«Объединение России великое дело, — писал Келлер, — но такой лозунг слишком неопределенный. Объявите, что Вы идете за законного Государя, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти». В мемуарах донского атамана Краснова, в войну командовавшего казачьей дивизией в корпусе Келлера, последний был возвышенно упомянут как «рыцарь, оставшийся безупречно верным Государю и непоколебимо преданный идее монархии».

Съехавшиеся в Киев правые деятели желали видеть Федора Артуровича во главе монархической Южной армии, создаваемой ими при помощи германских военных. Келлер отказался. «Здесь, — отмечал он, — часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть — приверженцы немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации».

Лишь в сентябре 1918 г. киевский митрополит Антоний Волынский отслужил в Софийском соборе панихиду по убиенному Государю — давно дошедшему из Екатеринбурга страшному известию многие вначале не хотели верить. Мировая война близилась к концу; немецкая администрация утратила всевластное положение на Украине, где ожидали появления союзников.

Прервались затянувшиеся переговоры гетмана с советской Россией, а на северных границах были замечены красные отряды. «Времени терять нельзя, — беспокоился Келлер, — высадившиеся англо-французы могут ложно учесть положение; не видя реальной силы, открыто стремящейся к объединению России и монархии, они могут вообразить, что в нашем отечестве все мечтают о республике».

В Киев прибыли псковские монархисты от имени Северной армии, по окончании формирования готовившейся принести присягу «законному Царю и Русскому государству». В полках вводились старые уставы

и прежняя униформа с добавлением нашивки — белого креста на левом рукаве; в Пскове развешивались плакаты с именами известных генералов — Юденича, Гурко и Келлера как вероятных вождей. Последнему и было предложено возглавить армию.

Келлер ответил согласием, обещав «через два месяца поднять Императорский штандарт над священным Кремлем». В Киеве при новом командующем был образован монархический Совет обороны во главе с графом Безаком. В «Призыве старого солдата» Келлер обратился к своим боевым товарищам: «Настала пора, когда я вновь зову вас за собою. Вспомните и прочтите молитву перед боем — ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знаменем и с Божией помощью вперед за Веру, за Царя и за неделимую нашу родину Россию».

«Патриарх Тихон прислал тогда через епископа Нестора Камчатского графу Келлеру шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную армию», — вспоминала впоследствии жена Безака. Прибывший из Москвы Нестор Камчатский ранее являлся вдохновителем попытки спасения Царской Семьи из рук большевиков, предпринятой группой офицеров во главе с присяжным поверенным Полянским.

С ноября немецкие войска начали отход к довоенным границам по условиям заключенного перемирия. Воспользовавшись ситуацией, социалисты-самостийники со своим главным атаманом Петлюрой подняли мятеж против гетмана и его «помещицкого правительства».

Почувствовав всю опасность своего положения, Скоропадский провозгласил создание Всероссийской федерации с включением в нее Украинской державы. Знакомый с Келлером еще по службе в Царской свите, гетман просил его помощи в организации армии, для чего вручил ему «всю полноту военной и гражданской власти».

Именуя себя Главнокомандующим Украинской и Северной армиями, Федор Артурович подчеркивал, что «может приложить силы и положить голову только для создания великой, единой России, а не за отделение от нее федеративного государства». В Киеве срывали желто-голубые флаги с заменой их русскими и разбивали бюсты Шевченко, ставшие своеобразным символом самостийности. На новой должности Келлер продержался не более недели, отправленный гетманом в отставку за нелояльные действия.

В то время Северная армия отступала, оставив большевикам Псков, а под Киевом горстка добровольцев из русских дружин отбивалась отседавших петлюровцев. Скоропадский бежал, его приближенные рассеялись. Келлер вновь взял на себя руководство обороной, несмотря на то, что имел возможность покинуть город.

Ворвавшиеся в Киев петлюровцы предавали мучительной смерти пойманных на улицах офицеров и истязали уже мертвые тела. Германские военные, преклоняясь перед доблестью Келлера, предлагали ему укрытие в случае, если он согласится снять оружие и форму, но тот не хотел расставаться в целях самосохранения ни со своими погонями, ни с полученной от Государя шашкой с надписью.

Совершенно открыто граф Келлер поселился в Михайловском монастыре с двумя находившимися при нем адъютантами. Когда петлюровцы явились туда с обыском, монахи предложили ему уйти потайным ходом, но он сам через адъютанта сообщил о себе пришедшим. Патруль объявил всех троих арестованными.

В ночь на 8 декабря 1918 г. был получен приказ об их переводе в Лукьяновскую тюрьму. Они шли вдоль стен Софийского собора, мимо памятника Богдану Хмельницкому, когда из ближайшего сквера раздался залп по арестованным. Стрельба была продолжена патрульными, добивавшими раненых выстрелами и ударами штыков в спины. Генерал Келлер пал, сраженный одиннадцатью пулями...

В его предсмертном дневнике были такие слова: **«Мне казалось всегда отвратительным и достойным презрения, когда люди для личного блага, наживы или личной безопасности готовы менять свои убеждения, а таких людей громадное большинство»**. Явивший в себе лучшие традиции русского воинства, он был примером для своих последователей, носивших у сердца «крест Келлера» — серебряный знак без всяких надписей и дат, по преданию установленный им самим для нагрудного ношения в Северной армии.

Русским монархистам священна память генерала Келлера. «Боже правый! — писал „Двуглавый орел“ в 1928 году. — Сколько невозрадимых, страшных жертв понесла Императорская Российская армия! Почти все храброе, почти все лучшее погибло — на радость врагам и злодеям — и усеяло своими костями великое поле междоусобия и взаимного истребления... Но неисповедимы пути Божьи. Не будем унывать при виде, как пережившие доблестных Ахиллов презренные Терситы по прежнему продолжают злобно замалчивать не только подвиги, но и самую память доблестно сложивших свои головы за Веру, Царя и Отечество героев Императорской армии. Новые, молодые, здоровые поколения растут и здесь, и там — в России. Мы верим в живые силы Русского народа. Мы верим в помощь Божью».

Михаил Фомин, Максим Воробьев
(Общество Памяти Генерала Келлера, С-Пб)

“Витязь славы”

Когда на Киев златоглавый
Вдруг снова хлынул буйный вал,
Граф Келлер, витязь русской славы,
Спасенья в бегстве не искал.

Он отклонил все предложенья,
Не снял ни шапки, ни погон:
«Я сотни раз ходил в сраженья
И видел смерть» — ответил он.

Ну, мог ли снять он крест победный,
Что должен быть всегда на нём,
Расстаться с шапкой заповедной,
Ему подаренной Царем?..

Убийцы бандой озверелой
Ворвались в мирный монастырь.
Он вышел к ним навстречу смело,
Былинный русский богатырь.

Затихли, присмирели гады.
Их жег и мучил светлый взор,
Им стыдно и уже не рады
Они исполнить приговор.

В сопровождении злодеев
Покинул граф последний кров.
С ним — благородный Пантелеев
И верный ротмистр Иванов.

Кругом царила ночь немая.
Покрытый белой пеленой,
Коня над пропастью вздымая,
Стоял Хмельницкий, как живой.

Наглядно родине любимой,
В момент разгула темных сил,
Он о Единой — Неделимой
В противовес им говорил.

Пред этой шайкой арестантской,
Крест православный сотворя,
Граф Келлер встал в свой рост гигантский,
Жизнь отдавая за Царя.

Чтоб с ним не встретиться во взгляд,
Случайно, даже и в ночи,
Трусливо всех прикончив сзади,
От тел бежали палачи.

Мерцало утро. След кровавый
Алел на снежном серебре...
Так умер витязь русской славы
С последней мыслью о Царе.

Пётр Шабельский-Борк, Париж, 1928 год.